

Фермата

Алексей МИТРОФАНОВ

Московская консерватория — одно из самых знаменитых мест в Москве. То же — площадка перед ней.

Приятно все-таки назначить встречу не в метро, не в подворотне дома-новостройки, не под глупой рекламой безалкогольного напитка, а на одной из уютнейших московских площадок. Ее с двух сторон обнимают приятные флигели консерватории, с третьей — сам вход в Большой зал, с четвертой же на всякий случай прикрывает памятник Чайковскому.

Автор его — знаменитая ваятельница Вера Мухина. Это последняя ее работа, завершенная коллегами известной скульпторши уже после ее смерти. (Дело в том, что Вера Игнатьевна скончалась, подорвав здоровье на возведении другого памятника — Максиму Горькому у Белорусского вокзала.) Так что официально авторство у статуи тройное — Мухина и ее помощницы Зеленская и Иванова. Так что при желании здесь можно отыскать черты именно женского искусства. А впрочем, неофициально автором гораздо чаще признают одну Веру Игнатьевну.

Поначалу композиция скульптуры замышлялась несколько иной. Вера Мухина решила передать лиричность композитора и его творчества, расположив рядом с ним молодого и, естественно, очарованного пастушка, такого Леля. На обсуждении эскиза маститые искусствоведы едва сдерживали смех и от пастушка Вере Игнатьевне посоветовали отказаться. Один из участников этого мероприятия решительно заявил, что эта невинная на первый взгляд деталь даст «пищу для предположений совершенно ненужных». Более определенно высказаться тогда не осмелился никто.

Похоже, то был первый и последний позитивный отклик на произведение трех женщин-скульпторш.

Мухина, к примеру, так написала о работе над своей скульптурой: «Вдохновенность и внутреннюю сосредоточенность художника-творца я пыталась передать во всем облике Чайковского: в его позе, жесте, движении».

Константин Паустовский, возможно, не зная об этом, размыслил по-своему: «Если «святое» вдохновение «осеняет» (обязательно «святое» и обязательно «осеняет») композитора, то он, вздымая очи, плавно дирижирует для самого себя теми чарующими звуками, какие несомненно звучат сейчас в его душе, — совершенно так, как на славяном памятнике Чайковскому в Москве.

Нет! Вдохновение — это строгое рабочее состояние человека. Душевный подъем не выражается в театральной позе и приподнятости. Так же, как и пресловутые «муки творчества».

Искусствовед М.В. Алпатов называл памятник коротко — «обидной неудачей».

Но сама Вера Игнатьевна услышать тех упреков уже не могла. Так что она осталась при своем собственном мнении — вовсе не критическом.

А консерваторцы и сочувствующие им встречаются у памятника с удовольствием и, более того, относятся к нему с любовью. Они — специалисты не в скульптуре, а в других гуманитарных областях. Мнения искусствоведов о последнем произведении Веры Игнатьевны совсем не интересны этим людям.

Здесь, на маленькой площадке, образовалось нечто вроде элитарного изысканного клуба. Действительно, у нас обычно назначают встречи в двух типовых местах — на станциях метро и у

Приятно назначить встречу в дворике Консерватории

Проект памятника наконец был утвержден, и в ноябре 1954 года мухинского Чайковского торжественно открыли. Он был представлен публике сидящим перед нотами с разведенными руками — как бы дирижирующим. Сидящих дирижеров публика доселе не видела, поэтому в расставленные руки маэстро явно напрашивалась русская гармошка или уж в крайнем случае аккордеон.

Композицию выполнили в виде музыкального знака «фермата», притом роль точки исполнял сам Петр Ильич на гранитном постаменте, а роль скобочки — бронзовый нотный стан с первыми тактами из самых популярных сочинений композитора: «Евгения Онегина», «Лебединого озера», Шестой «Патетической» симфонии, Первого струнного квартета, Скрипичного концерта и романса «День ли царит».

Сразу появились слухи — дескать, наглые консерваторские студенты по ночам переставляют ноты, и наутро получается, что Петр Ильич писал «Мурку», «Собачий вальс» и прочие далеко не классические музыкальные произведения (благо даже двоечники могли правильно расставить ноты). Сторожи в связи с этой проблемой якобы даже вручили запасные ноты и бумажку с «решеткой», то есть нотным станом. И несчастный сторож каждый день перед рассветом должен был сверять непонятные ему бронзовые крючки со столь же непонятным оригиналом.

Возможно, что-нибудь подобное и впрямь случалось, но скорее всего это было делом рук не студентов-музыкантов — раскурочить металлический нотный стан довольно сложно для их тонких и нервных пальцев. (А тогда чьих? Ведь в ту пору цветные металлы еще так, как ныне, не воровали.)

На следующий день после открытия памятника «Вечерка» поместила вдохновеннейший отчет (автором был небезызвестный Лев Никулин): «Мы смотрим на этот монумент, который, несомненно, полюбит Москва, на движение рук Петра Ильича, и нам чудится, что через мгновение мы услышим финал Шестой симфонии, что он прозвучит здесь, под небом Москвы, у фасада консерватории имени П.И. Чайковского, откуда вышло не одно поколение замечательных музыкантов, которых любит и ценит наш народ».

скульптурных памятников. И тут и там народ довольно разношерстный — это и творческая интеллигенция, и профессиональные преступники, и госчиновники, и бомжи, и монахи. Зато у скульптуры Петра Ильича, кажется, собираются лишь одни вдохновенные гении — в длинных пальто, в богемных шапочках и, разумеется, со взором горящим.

В большинстве случаев, конечно же, эти встречи не имеют отношения к самой консерватории. Главное — найти друг друга, а потом можно пойти в какое-нибудь из многочисленных кафе. Кроме самого «консерваторского» (в левом крыле здания), неподалеку размещаются «Башмачник», «Амадеус», что-то там еще. Публика в тех местах вполне интеллигентная, нешумная, предупредительная к незнакомым посетителям.

Правда, эти общепитовские точки дешевыми никак не назовешь. Была одна — вполне доступная и даже легендарная — «Олады» в доме 15 по Большой Никитской улице. Здание, известное со времен еще постреволюционных. Именно здесь размещался книжный магазин, который содержали (и в котором торговали собственными книжками) поэты Есенин и Мариенгоф. В «Олады» приходили странные, но милые компании и иногда играли Баха на классической гитаре — прямо за столом, перед стаканами и рюмками.

А очередь к буфетной стойке размещалась рядом с крутой лестницей — той самой, по которой знаменитые поэты приносили покупателям свои шедевры словотворчества.

Так вот, сейчас вместо «Оладий» появилось некое кафе в парижском духе (во всяком случае, так представляется парижский дух в Москве). И цены, разумеется, под стать парижским.

Но небогатая интеллигенция не растерялась, и, встретившись у памятника Чайковскому, компании идут в простую «Рюмочную», что находится ближе к Бульварному кольцу.

Раньше в «Рюмочной» завсегда待ствовали посетители, которых на московском сленге называют «синяками», а сейчас творцы прекрасного уверенно их потеснили. «Рюмочная» значительно облагородилась. Благодаря, разумеется, Петру Ильичу.